

ЭКОНОМИКА – СИЛЬНЕЕ ПРОИЗВОДСТВА!

О.Ю. МАМЕДОВ,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой политической экономии и экономической политики,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

Идеологические шашни с марксизмом, свойственные временам «реального социализма», – с великим социальным учением, общеисторический смысл которого так и не дошёл до штатных проповедников коммунизма, – сыграли злую шутку с россиянами эпохи «вертикализованного общества». Беда подкралась неожиданно – изгнав опостылевший «марксизм» (а точнее, советскую пародию на него), российское общество осталось... без экономической теории.

В моду вошли ВЕЛИКИЕ ПОШЛОСТИ: теория спроса и предложения (дефицит товара приводит к его подорожанию, а избыток – к удешевлению), монетарная теория (избыток денег ведёт к их удешевлению, а недостаток – к подорожанию), теория труда (больше работников – дешевле их труд, меньше работников – дороже) и тому подобные «позитивизмы».

Казалось бы – что за беда? Оно, конечно, – когда экономика на подъёме, не до мудрствований, успевай только «влаживать» и «вылаживать», как выражаются ученые коммерческого призыва.

Но когда экономика входит в кризисное состояние, без экономической теории – как научной основы антикризисной стратегии – не обойтись, а её забвение может оказаться буквальным роковым.

Предлагаемая статья иллюстрирует этот очевидный для профессиональных (и неочевидный – для непрофессиональных) экономистов тезис.

Ключевые слова: соотношение «производства» и «экономики»; системный подход; политико-экономический анализ.

ECONOMY IS STRONGER THAN PRODUCTION!

O.Yu. MAMEDOV,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Head of the Department of Political Economy and Economic Policy,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

The feature of «real socialism» – ideological tricks with Marxism, a great social doctrine that had not been understood in all its complexity by the preachers of communism – played a cruel joke on the Russians in the epoch of «verticalized society». The trouble crept up unexpectedly – having banished hateful «Marxism» (or rather the Soviet parody of the latter), Russian society appeared to have... no economic theory.

GREAT PLATTITUDES have grown in popularity: the theory of supply and demand (shortage of goods results in rise in its price, excess of goods declines its price), monetary theory (excess of money leads to its price reduction, the lack of money increases its price), the theory of labor (more employees means their labour is cheaper, fewer employees – their labour is more expensive), and other «positive statements».

So, what of it, one would think. When the economy grows, there's no place left for philosophizing – only – one should manage to «put in» and to «lay out», as the commercialized scientists clearly express.

However, if the economy goes into crisis, one cannot do without economic theory as the scientific basis of anti-crisis strategy. Disregard of economic theory can become disastrous, in the strict sense.

The present article illustrates this obvious for the professional economists thesis (however, non-obvious for non-professional ones).

Keywords: relationships between «production» and «economy»; system approach; methodology of political and economic analysis.

JEL classifications: A11, B51.

Стараниями российских скороспелых адептов «экономикса» экономическая сфера оказалась сведена к технологическим процессам производства, которые в классической экономической (= политико-экономической!) науке пребывают, строго говоря, за пределами логических границ её предмета (Мамедов, 2003; 2010; 2014).

Эта общеизвестная истина вызывает у современных отечественных «экономистов», рядящихся в тогу кого угодно – производственников, технологов, даже инженеров, – буквально оторопь, поскольку разоблачает внеэкономичность их «экономических» исследований¹.

Отсюда – тихая ненависть к политической экономии, требующей (в качестве исходной профессиональной компетенции) знания иного рода, чем подтасование корреляции между числовыми показателями некоррелируемых (в силу их качественно-различного состояния) экономических процессов и факторов. К этим знаниям относятся – хоть какое-то элементарное представление об историческом процессе, начальные знания по философии, социологии, политологии, первичные знания об онтологии и гносеологии экономических форм и ещё кое-что, обозначаемое пугающим словом «методология» (Де Молинари, 2012).

*

Объективная сложность политико-экономического познания уже изначально заложена в предметной неразберихе с объектом его изучения. Эта запутанность возникает немедленно, как только мы пытаемся рационально развести три фундаментально-равнозначные категории – «экономика», «производство» и «хозяйство».

Если о «хозяйстве» ещё можно сказать нечто вразумительное (вроде – «институциональная форма созидательной сферы»), то относительно соотношения «производства» и «экономики» так легко отделаться невозможно. И проблема тут возникает из того, что в одном аспекте это – идентичные по своему объёму понятия («экономика» есть «общественное производство»), в другом – различные по объёму понятия («производство» – это только первичная, исходная фаза «экономики»).

Не углубляясь во все проблемы категориальной характеристики предметных абстракций экономической науки, следует обратить внимание на общепризнанный всеми политэкономиями факт *многофазного строения экономической системы*, факт, выходящий за пределы узкопроизводственного понимания устройства экономики сторонниками «экономикса». Между тем, именно этот политико-экономический тезис о многофазном устройстве экономики (Чернобровая, Закревская, 2008) выдвигается сегодня на приоритетные позиции в разработке теоретической модели построения эффективной российской экономики (Осипов, Кизиль, 2010).

*

Непонимание сложного устройства экономики примитивизирует размышления экономистов, неизбежно сводя их только к совершенствованию технологии производства, тогда как **подлинная проблема заключается в совершенствовании не технологии производства, а «технологии**

¹ Ещё смешнее демонстрируемые приобщающимися к экономической науке выводы, которые ВАК охотно принимает в качестве «платёжного средства» результативности проведённого исследования, хотя практика и практики благо-разумно (и, пожалуй, безглаголиво) сторонятся выводов этих «учёных».

экономики», **каковая представлена общественно-производственными отношениями.** Набор «продвинутых» общественно-производственных отношений, которые нам никак не удаётся построить, известен даже экономисту-первокурснику – избавление государства от несвойственных ему и избыточных для него контрольно-перераспределительных функций в производстве; сокращение необъятного государственного протекционизма над практически всеми сферами общественной жизни; развитие предпринимательства в соответствии с его собственной логикой, а не как придатка, обслуживающего «государственное хозяйство»; становление реально полновластного гражданского общества.

Но обновления экономических отношений только в сфере непосредственного производства ещё недостаточно для модернизации всей российской экономики (*Сидоров, 2006*), ведь экономика, к великому удивлению «экономикса», не сводится только к производству, а включает ещё три фазы – распределение, обмен и потребление. И системное обновление российской экономики требует не меньшего внимания к этим фазам, особенно – к фазе распределения (*Николаева, 2011*).

*

Великая социальная наука, известная в истории экономической мысли как «политическая экономия», признавая приоритет производственной сферы по отношению к другим сферам экономики, многократно объясняла, что этот приоритет аналогичен «основному вопросу философии», имея чёткие пределы, очерченные гносеологией экономического познания. За пределами этого основного гносеологического вопроса он утрачивает свой смысл.

На практике это означает, что принцип «примата производства» был и остаётся только принципом научного познания, – в реальности же приоритетные позиции может обрести любая фаза общественного воспроизводства: для первобытного (малоэффективного) общества экономика вообще может быть сведена к фазе присваивающего потребления; для богатого (высокоэффективного) общества экономика обычно представлена фазой производства, избыточно окормляющего и распределение, и обмен, и потребление (в том смысле, что есть что распределять, обменивать и потреблять).

Однако реальная экономика устроена намного сложнее и противоречивее – экономически эффективное производство может сопровождаться социально-неэффективным распределением, со всеми вытекающими отсюда социально-экономическими противоречиями (*Мамонтова, 2007*). Другими словами, эффективность производства может быть подорвана – или неэффективностью распределения (взрывоопасным неравенством доходов), или неэффективностью обмена (вследствие дорогостоящих транзакционных издержек), или неэффективностью потребления (вследствие увлечения амбициозными проектами).

Здесь, видимо, требуется уточнение: «амбициозное потребление» – это потребление, которое не «по карману» национальной экономике, но которое используется для того, чтобы «пустить пыль в глаза». И не важно кому: нищему народу или ошеломлённым иностранцам. Конечно, амбициозное потребление – это феномен практически всех времён, и всё же это тот редкий случай, когда каждый народ открывает для себя праздник амбициозного потребления – сам, и в этом смысле он испытывает радость «первооткрывательства»!

Насколько же в этом отношении рационально устроено пофазное устройство российской экономики? Ответу на этот вопрос следует предположить некоторое политико-экономическое пояснение.

*

Политическая экономия давно вывела **принцип системности устройства экономики, который требует соответствия между характером производства и характером распределения.**

Например, – частная организация производства перерастает в частное же присвоение его результатов. В такой экономической модели частный характер распределения созданных благ соответствует частному характеру их производства.

Открытие объективной тенденции к социализации капиталистического производства позволило великому Марксу сделать его знаменитый вывод в чеканной формулировке – общественный характер производства приходит в противоречие с частной формой присвоения его результатов.

Не менее известна *альтернативная* модель экономики – *общественному* характеру производства должен соответствовать *общественный* характер распределения (присвоения) полученных результатов².

Но вот с этой альтернативной моделью как раз и не заладилось: результаты общественно-произведённого обычно становятся добычей частного присвоения. Так произошло с экономикой «советского социализма» (Джилас, 2010). Так случилось с экономикой всех других «социалистических» стран. И так продолжилось в «постсоветской» российской экономике (Дементьев, 2014)³.

История показывает различные формы разрешения этого противоречия, которого не удалось, к сожалению, избежать и современному российскому обществу. **Но дело не только во взрывоопасности несправедливого распределения общественно-произведённого совокупного продукта в условиях его преимущественно моногруппового присвоения, – дело ещё и в экономической неэффективности частногруппового распределения результатов общественного производства.**

Действительно, историки, например, годами ищут причины упадка могущественного Древнего Египта, тогда как эти причины поистине у них перед глазами – в виде древнеегипетских «амбициозных проектов» типа пирамиды Хеопса (и иных культовых сооружений всяких других хеопсиков). И, сказать по правде, у нас тоже нашлось бы чем удивить древних египтян.

Эти «удивления» свидетельствуют о крайне неэффективной форме освоения результатов общественного производства, сложившейся сегодня в нашей стране. В этой ситуации **задачи формирования эффективной модели отечественной экономики усложняются – наряду с техническим обновлением производства необходим переход к эффективной системе присвоения получаемых доходов.** Если этого не сделать, то возделанный уход от «нефтяной иглы» всё равно ничего не изменит: **сама по себе диверсификация источников доходов не в состоянии выполнить принципиально иную задачу – перестроить организацию распределительных отношений**, т. е. обеспечить реальный переход к более эффективному механизму освоения получаемых страной доходов (Родионова, 2006; Кульмухаметов, 2010). А, как показывает практика всех экономически эффективных национальных производств, **такой механизм вырастает только из реального системного контроля над государством со стороны гражданского общества** – задача, экономическая значимость которой нарочито не осознаётся и потому сознательно недооценивается.

Общий вывод – и практический, и теоретический – состоит вот в чём: **само по себе улучшение производства, его инновационирование, усилия по повышению его эффективности и прочее, без изменения экономической организации других, послепроизводственных, сфер экономики ожидаемых результатов не принесут.** Таково, в частности, одно из многих невидимых и негативных следствий «панэкономикса», который экономический рост сводит только к технологическим инновациям (Панков, 2008).

Но пора уже понять, **эффективность производства предопределяется системной эффективностью экономики, т. е. – соответствием приоритетов и механизма функционирования различных сфер и фаз общественного производства** (Астафьев, 2012).

*

Неожиданный поворот анализу рассматриваемой проблемы – теоретическому моделированию эффективных механизмов распределения, адекватных современной форме российского общественного производства, – придаёт *политико-экономический подход* к ней. Более того, согласно императиву гносеологической системности, **методологически-корректная («предметная») постановка любой проблемы всегда приобретает более масштабный вид**, не ограниченный первоначальными рамками исследуемой проблемы, а претендующая уже на более общую характеристику всей современной ступени развития российской экономики как исторически-определённого этапа её движения.

² Вот эта альтернативная модель и есть «социализм» – совместно произведённое потребляется сообща.

³ Надо признать, что для социальной группы, частноприсваивающей результаты общественного производства, государственная форма производства является самой эффективной – расходы несёт бюджет (т. е. всё общество), а выгоду извлекает только эта группа (Михайлов, 2008). Ну, и как этой группе не любить такую организацию экономики и не сражаться за её консервацию?

Кратко суть политико-экономического «курбета» обозначенной проблемы можно представить следующим образом.

Экономика имела многовековую предысторию: сначала в виде присваивающего, затем – производящего хозяйствования. Эти две доэкономические ступени Истории Человечества представлены такими общественными формациями, как – первобытность, рабовладение и феодализм. Объединяющим признаком структурного строения этих обществ является отсутствие в них... экономики (а значит, и – господи, прости – экономистов!) – только производство, политика и идеология (в совокупности образующих то, что принято называть «азиатским способом производства»).

Здесь, видимо, оправданно пояснить читателю-неэкономисту, что же экономисты понимают (в строгом смысле) под «экономикой» и чем грозит экономическому анализу этот «строгий смысл».

Политическая экономия доказала – экономика появляется только с возникновением *товарного производства*, которое в своём свободном развитии приводит к становлению особой эпохи – эпохи Рыночной Экономики. В гносеологическом (теоретико-познавательном) аспекте эпоха Рыночной Экономики *принципиально отличается* от эпохи Дорыночного Производства.

Это отличие можно даже не заметить, тем более что оно расположено в весьма специфической сфере – в сфере познания. Мало того, для осознания этого отличия необходим «монистический» политико-экономический взгляд на мир общественного производства.

Дело в том, что во всех иных сферах общественной жизни между различными степенями их развития наблюдается преемственность и допускается их сосуществование. А вот **между «производством» и «экономикой» фиксируется прямой и неустранимый антагонизм**, что означает – сосуществовать они могут только в исторически-кратковременный «переходный период».

Отмеченный антагонизм имеет невидимое онтологическое (реально существующее) состояние, а потому малоосознаваемое гносеологическое (теоретико-познавательное) проявление. Для большинства общества этот антагонизм, этот переход от «производства» к «экономике» не только не ощутим, но и не имеет никакого значения, – подобно тому как тектонический переворот в астрономии (заменой птолемея взгляда на движение Солнца – коперниковским) не менял ежеутренней картины, в виде привычного восхода светила.

Между тем, с позиций политико-экономического мировоззрения, между «производством» и «экономикой» имеется *сущностное* различие – если в координатах «Производства» все социальные процессы имеют очевидное содержание, не маскируемое неадекватными социальными формами их проявления, то в «Экономике» всё обстоит противоположным образом, что значит – все социальные процессы в экономике реализуются в маскирующих их неадекватных социальных формах. Эта маскировка, неадекватность, таинственность объективно обусловлена тем удивительным феноменом, который впервые вскрыл великий Маркс и который он обозначил как *«товарный фетишизм»*.

При таком подходе можно утверждать, что **анализ доэкономических форм производства подобен естественнонаучному анализу**, в котором уровень исследования, скажем, атома, не имеет никаких препятствий, кроме уровня достигнутого ранее познания.

Иное дело – исследование экономических процессов, познание которых приобретает дополнительную сложность, в плане того, что приходится буквально «продираться» к этим процессам сквозь несчётное число маскирующих и искажающих их сущность социальных форм.

Ещё раз: в экономике сущность экономических процессов и её проявления – отличны, не совпадают, и это-то и порождает необходимость в самой экономической науке, ибо экономика, как сфера познания, загадочна тем, что здесь содержание и форма этого содержания не совпадают, различаются, противоречат друг другу. Но как раз этого не происходит в производстве, где содержание и форма совпадают, и потому нет нужды в особых гносеологических ухищрениях, чтобы выйти на суть экономических процессов.

Этот теоретический экскурс позволяет поставить несколько необычный гносеологический вопрос – а, может, требование *экономического* анализа российского, всё ещё *малорыночного*, производства преждевременно и потому неосуществимо? Или, по-другому, – **достаточен ли реальный уровень рыночности российской экономики для применения инструментария экономического анализа?** Действительно ли есть нечто такое, что маскирует социальное содержание обще-

ственных связей в отечественном производстве? Или до экономических проблем нам надо ещё, так сказать, дорасти выращиванием рыночной экономики? Ведь **там, где ещё не сложилась рыночная экономика, невозможен и экономический анализ!**

Исследуя различные формы нетоварного (неэкономического) производства, Маркс приходит к выводу о том, что «общественные отношения людей к их труду и продуктам их труда остаются здесь прозрачно ясными как в производстве, так и в распределении», т. е. для познания этих отношений нет нужды в помощи экономистов. Маркс далее разъясняет: «Эти древние (дорыночные – *О.М.*) общественно-производственные организмы несравненно более просты и ясны, чем буржуазный, но они покоятся или на незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественнородовых связей с другими людьми, или на непосредственных отношениях господства и подчинения. Условие их существования – низкая ступень развития производительных сил труда и соответственная ограниченность отношений людей рамками материального процесса производства жизни, а значит, ограниченность всех их отношений друг к другу и к природе».

Может, в этой «ограниченности» и разгадка безуспешности построения эффективной системы распределительных отношений в современной «полурыночной» российской экономике? **Может, фаза российского производства уже находится в координатах рыночной экономики, а его же фаза распределения всё ещё пребывает в дорыночных координатах?**

Но – так или иначе – последние годы характеризуются повышенным вниманием экономистов к технологическим процессам производства, что фактически превращает их в «производственников». Это неизбежно приводит к забвению гораздо более важных проблем экономического характера, среди которых главной стала реорганизация сферы распределения в аспекте подчинения её потребностям гражданского общества, а не потребностям выдающей себя за «общество» социальной группы, с древних времён известной как «бюрократия».

ЛИТЕРАТУРА

Астафьев И.В. (2012). Организация производства и распределения благ: мотивационный подход // *Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО*, № 6, с. 15–18 (<http://www.umo.mesi.ru/magazine/gallery/5238/>).

Де Молинари Г. (2012). Производство и распределение богатств. Курс политической экономии. Сер.: Из наследия мировой политологии. М.: Книжный дом «Либроком», 394 с.

Дементьев Н.П. (2014). Производство, распределение и использование ВВП в России и развитых странах Запада / В сб.: Алексеев А.В., Казанцева Л.К. (отв. ред.) Проблемы и перспективы модернизации российской экономики. Сборник научных трудов. Новосибирск: Сибирское отделение Российской академии наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, с. 3–21.

Джилас М. (1992). Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 554 с.

Кульмухаметов Э.В. (2010). Государственная политика в производстве и распределении общественного богатства // *Сегодня и завтра Российской экономики*, № 36, с. 17–22.

Мамедов О.Ю. (2003). Незванный эмпиризм – хуже схоластики! // *Terra Economicus*, т. 1, № 3, с. 20–23.

Мамедов О.Ю. (2010). Идентичность российской экономики: испытание глобализацией // *Terra Economicus*, т. 8, № 2, с. 85–94.

Мамедов О.Ю. (2014). Экономическая теория нужна. Всем. Кроме экономистов? // *Terra Economicus*, т. 12, № 3, с. 8–14.

Мамонтова Е.В. (2007). Взаимосвязь форм распределения со способами производства // *Социально-экономические явления и процессы*, № 4, с. 71–72.

Михайлов А.М. (2008). Институционализация распределения доходов собственников факторов производства // *Вестник Российского государственного торгово-экономического университета (РГТЭУ)*, № 1, с. 67–73.

Николаева Е.Е. (2011). Расширительная трактовка распределительных отношений в системе общественного воспроизводства: симбиоз распределения с производством и обменом // *Теория и практика общественного развития*, № 5, с. 281–285.

Осипов С.Л., Кизиль Е.В. (2010). Объективные предпосылки производства и распределения общественных благ в государственном и муниципальном секторах экономики: теоретические аспекты // *Власть и управление на Востоке России*, № 1, с. 65–72.

Панков Н.В. (2008). Производство и распределение добавочной прибыли в рыночной экономике. Автореф. дисс. ... к.э.н. Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет.

Родионова В.Н. (2006). Проблемы распределения ограниченных ресурсов в конкурентоспособном производстве // *Организатор производства*, № 1, с. 63–64.

Сидоров И.И. (2006). Логистическая модель процессов производства материальных благ и их распределения – основа новой экономической теории и теории управления // *Экономическое возрождение России*, № 1, с. 35–41.

Чернобривая Н.В., Закревская Г.С. (2008). Производство и распределение общественных благ: критерии эффективности и источники финансирования // *Региональная экономика: теория и практика*, № 35, с. 62–68.

REFERENCES

Astafjev I.V. (2012). The organization of manufacture and distribution of the blessings: the motivational approach. *Economics, statistics and informatics. Herald of the Teaching union [Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik uchebno-metodicheskogo objedineniya]*, no. 6, pp. 15–18 (<http://www.uomo.mesi.ru/magazine/gallery/5238/>). (In Russian.)

Chernobrivaya N.V. and Zakrevskaya G.S. (2008). Production and distribution of public goods: performance criteria and sources of funding. *Regional economy: theory and practice [Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika]*, no. 35, pp. 62–68. (In Russian.)

De Molinari G. (2012). Production and distribution of wealth. The course of political economy. Series: From the Political Science World Heritage. Moscow: Librocom Publ., 394 p. (In Russian.)

Dementiev N.P. (2014). Production, distribution and use of GDP in Russia and the Western developed countries / In: Alekseev A.V., Kazantseva L.K. (resp. eds.) Problems and prospects of modernization of the Russian Economy. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute of Economics and Industrial Engineering, pp. 3–21. (In Russian.)

Djilas M. (1992). The face of totalitarianism. Moscow: Novosti Publ., 554 p. (In Russian.)

Kulmuhametov E.V. (2010). State policy on production and distribution of social wealth. *Today and tomorrow of the Russian economy [Segodnya i zavtra Rossiiskoi ekonomiki]*, no. 36, pp. 17–22. (In Russian.)

Mamedov O.Y. (2003). Unbidden empiricism is worse than scholastics! *Terra Economicus*, vol. 1, no. 3, pp. 20–23. (In Russian.)

Mamedov O.Y. (2010). Identity of Russian economy: trial of globalization. *Terra Economicus*, vol. 8, no.2, pp. 85–94. (In Russian.)

Mamedov O.Yu. (2014). Everyone needs economic theory. Everyone. Except from economists? *Terra Economicus*, vol. 12, no. 3, pp. 8–14. (In Russian.)

Mamontova E.V. (2007). The relationship between the forms of distribution and the methods of production. *Socio-economic phenomena and processes [Sotsialno-ekonomicheskie yavleniya i protsessy]*, no. 4, pp. 71–72. (In Russian.)

Mikhailov A.M. (2008). Institutionalization of the income distribution of production factors' owners. *Bulletin of the Russian State Trade and Economic University [Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo torгово-ekonomicheskogo universiteta]*, no. 1, pp. 67–73. (In Russian.)

Nikolaeva E.E. (2011). Broad interpretation of distributive relations in the system of social reproduction: a symbiosis of the distribution with production and exchange. *Theory and practice of social development [Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya]*, no. 5, pp. 281–285. (In Russian.)

Osipov S.L. and Kizil E.V. (2010). Objective prerequisites for production and distribution of public goods in the state and municipal sectors of the economy: theoretical aspects. Power and administration in Eastern Russia [Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii], no. 1, pp. 65–72. (In Russian.)

Pankov N.V. (2008). Production and distribution of added profit in the market economy. Dissertation abstract ... PhD in Economics. Saratov: Saratov State Socio-Economic University. (In Russian.)

Rodionova V.N. (2006). The problem of scarce resources allocation in a competitive industry. Manager of production [Organizator proizvodstva], no. 1, pp. 63–64. (In Russian.)

Sidorov I.I. (2006). Logistic model of the material goods production and distribution processes as the basis of new economic and management theories. Russia's economic revival [Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii], no. 1, pp. 35–41. (In Russian.)